

Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика

Г.Г. Косач

В статье «Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика» рассматриваются роль и место Палестинской Национальной Администрации (ПНА) в региональной подсистеме международных отношений. Автор анализирует исторические условия становления ПНА и позиции региональных держав (как арабских, так и Израиля) в отношении возможностей трансформации этого квазигосударства в полноценное государственное образование. Особое внимание уделяется процессу дифференциации этих позиций в контексте современных «арабских революций».

Начало 1990-х гг. создало новую ситуацию в развитии ближневосточного конфликта. Ликвидация кризиса вокруг Кувейта содействовала проведению в 1991 г. Мадридской конференции по ближневосточному урегулированию. В ходе ее работы Организация освобождения Палестины (ООП), представленная движением ФАТХ, и Израиль подписали подготовленную в Осло¹ Декларацию о принципах, которая провозгласила «прекращение десятилетий конфронтации и борьбы и взаимное признание законности политических прав»² подписантов этого документа.

1 июля 1994 г. руководство ООП и ее лидер, одновременно и глава ФАТХ, Я. Арафат переехали из Туниса в Газу. Палестинская Национальная Администрация (ПНА) как форма реализации палестинской государственности и решения палестинского вопроса обрела черты реальности.

Проект демократического самоуправления Палестины. Подготовленный в норвежской столице документ был далек от того, чтобы представить ООП возможность полного осуществления

суверенных прав на части «исторической Палестины». Декларация о принципах и не ставила этот вопрос, положения предусматривали создание условий, позволяющих «палестинскому народу на Западном берегу и в секторе Газа осуществлять самоуправление на демократической основе». Это предполагало проведение «прямых, свободных и всеобщих выборов» для «избрания Совета палестинского народа (парламента. – Г.К.)» и последующего формирования органов исполнительной власти, не связанных с диаспорой. В их создании могли принять участие только жители обоих палестинских регионов, их *граждане – муватынун*.

Форма ограниченного палестинского суверенитета, предлагавшаяся Декларацией о принципах, определялась как «автономная палестинская переходная власть». Хотя этот документ и содержал положение о том, что пятилетний «переходный период», в течение которого эта «власть» будет существовать, должен в ходе «двустороннего переговорного процесса» привести к «реализации резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и

Косач Григорий Григорьевич – д.и.н. профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ. E-mail: g.kosach@mail.ru

338», что предполагало передачу Израилем под палестинский суверенитет оккупированные им районы Западного берега и сектора Газа, распространение этого суверенитета на Восточный Иерусалим не выглядело очевидным.

Более того, положительное для палестинцев решение этого вопроса фактически исключалось. Ибо принятые кнессетом Израиля акты (закон 1967 г. о возможности распространения израильской юрисдикции на любую территорию в составе бывшей подмандатной Палестины, который позволил сделать это в отношении Восточного Иерусалима, ставшего частью «единого» города, и Основной закон об Иерусалиме 1980 г., провозглашавший его «неделимой столицей Израиля») сохраняли свою юридическую силу.

Сфера палестинского суверенитета еще более сужалась в связи с мерами Израиля, направленными на воссоздание старых (существовавших до 1948 г.) или строительство новых (после 1967 г.) еврейских поселений в пределах обоих палестинских регионов (в 2005 г. располагавшиеся в секторе Газа поселения были демонтированы). Эти поселения выводились из-под палестинской юрисдикции. ПНА «временно» (но эта ситуация и сегодня не имеет тенденции к завершению) лишалась возможности самостоятельных действий в сфере проблем, связанных с беженцами, охраной внешней границы и поддержанием общей безопасности (хотя и могла создать собственную «сильную палестинскую полицию»). Принимая израильские условия, ООП соглашалась не с возникновением суверенного политического образования, а *квазигосударства*.

Создание ПНА развивало инициированный в 1978 г. Кэмп-Дэвидский процесс в качестве основы для «сепаратного» решения арабо-израильского межгосударственного конфликта. Содействуя установлению мира между Египтом и еврейским государством, Кэмп-Дэвидский процесс предполагал основанное на совместных действиях обеих сторон введение «переходных мероприятий для Западного берега и Газы на период, не превышающий пяти лет»³. В течение этого срока там должны были возникнуть условия, позволяющие их жителям «избрать власть самоуправления». После избрания этой «власти» – «административного совета» – предполагалось определить «окончательный статус Западного берега и Газы», как и суть «взаимоотношений» этих «районов с соседями». Выдвигавшаяся принятыми в сентябре 1978 г. «рамками мира на Ближнем Востоке» идея «окончательного статуса» для обоих палестинских регионов не означала, что в пределах их территории возникнет та или иная форма собственно палестинской государственности. Речь шла, скорее, о создании палестино-иорданской конфедерации. Важнее другое обстоятельство: от участия в урегулировании отстранялась ООП, место которой отводилось «избранным представителям жителей Западного берега и Газы».

Но все же ПНА возникла не только как развитие Кэмп-Дэвидского процесса, но и как его

существенное углубление. Переговоры в Осло включили в процесс ближневосточного урегулирования того актора региональных отношений, который еще в эпоху египетско-израильских контактов был признан «законным представителем арабского народа Палестины». ООП осуществила собственные, не опосредованные кем-либо, «сепаратные» переговоры со своим бывшим непримиримым противником, сама возможность проведения которых в значительной мере определялась развивавшейся на Западном берегу и в секторе Газа первой палестинской *интифадой*. Тем не менее эти переговоры не только обеспечивали в первую очередь безопасность Израиля, но и создавали условия для сохранения его региональной гегемонии.

Оценивая Декларацию о принципах и возникшую на ее основе ПНА, куратор палестино-израильских переговоров в Осло, нынешний глава Администрации Махмуд Аббас подчеркивал: «Мы не утверждаем, что наша подпись под Декларацией о принципах создает независимое палестинское государство. В документе нет ни одного пункта, предусматривающего его создание. Мы должны признать, что было достигнуто лишь соглашение о создании переходной автономии на Западном берегу и в Газе»⁴. Он замечал, что территория ПНА не перестает быть «лакомым кусочком для израильтян»⁵, а отсутствие значимой для нее арабской поддержки может поставить вопрос о «сохранении арабского характера» этого квазигосударства. Иными словами, путь ПНА к ее трансформации в «независимое государство» должен проходить через обретение ею поддержки со стороны, если пользоваться словами М. Аббаса, ее «арабских соседей».

В постконфликтной палестино-израильской ситуации, становившейся, казалось бы, реальностью Ближнего Востока, ни одна из базовых основ возможного палестинского суверенитета, как их еще в первой половине 1990-х гг. определял будущий глава ПНА – Восточный Иерусалим, беженцы, самостоятельность в решении экономических проблем и избавление «от жесткой экономической хватки израильтян», подготовка кадров государственного управления, не могла быть реализована без отделения от «уже существующего, господствующего и дееспособного израильского образования», как и без создания палестинской «независимой политической структуры». Создание же такой структуры оказывалось немыслимо без «тесных политических, общественных, цивилизационных связей» с арабским миром.

Представленная руководством движения ФАТХ палестинская элита считала Декларацию о принципах важнейшим условием установления собственной власти на Западном берегу и в секторе Газа. Именно эти регионы рассматривались в качестве единственно возможной *национальной территории*⁶. Предпринимавшиеся для решения этой задачи палестинцами действия определялись не только постигшей ООП в 1982 г. катастрофой – выводом ее вооруженных формирований из Бей-

рута, когда в первую очередь ФАТХ оказался вдали от поля противостояния Израилю. Но и начавшейся в 1987 г. первой интифадой. Лидеры этого невооруженного сопротивления израильской оккупации были далеки от того, чтобы представлять ФАТХ и другие членские организации ООП: к руководству *муватинун* выдвигались группы коммунистического действия и представители «образованного класса», которым оккупирующая держава стремилась противопоставить ХАМАС.

Мир с Израилем был призван не только компенсировать потери и поражения ООП, но и способствовать обретению ею ореола «поборника» мира и демократии в регионе, что помогло бы привлечь в ПНА западные и арабские инвестиции. ФАТХ, ставший правящей партией на территории, передававшейся под управление Администрации, порывал с традицией «бескомпромиссной» борьбы с Израилем и «освобождения узурпированной Палестины». ПНА должна была стать «Государством Палестина», где лидирующие позиции занимали бы «уроженцы» обоих палестинских регионов. Это был путь к построению аналога еврейского государства с «ответственностью за «палестинскую диаспору»⁷ и собственным «законом о возвращении»⁸. «Новое образование, – писал М. Аббас, – должно быть выразителем интересов всего палестинского народа, где бы ни находились его сыны», а «право гражданина для любого палестинца в этом образовании должно быть священной»⁹.

Курс лидеров ПНА был направлен на укрепление власти ФАТХ, что предполагало решение двух основных задач. Первой из них провозглашалось сохранение «взаимного доверия» в отношениях с Израилем, когда, по выражению М. Аббаса, его «новый сосед и старый враг» должен был доказать еврейскому государству свою способность «пройти путь от противостояния к нормализации». Второй задачей должен был стать «отказ от соперничества и вражды» по отношению к арабским странам, поскольку они должны были внести «важный вклад в созидание» палестинского государства¹⁰. Палестинские общины оставались реальностью арабских соседей ПНА, выступая в качестве проводников ее влияния в арабском мире. Приток же арабских инвестиций мог обеспечить постепенное избавление ПНА от экономической зависимости от Израиля¹¹.

Эволюция региональных подходов к палестинскому урегулированию в 1970–2000-х гг. Возникновение ПНА демонстрировало исчерпание военного решения межгосударственного арабо–израильского конфликта, ставшего возможным в силу снижения значимости «прогрессивного» варианта панарабской идеологии и дееспособности основанных на ней арабских режимов. Это, в свою очередь, означало стремление основных акторов ближневосточной политики использовать палестинское квазигосударство для окончательного перевода конфликта на уровень политического решения, способного создать постконфликтную конфигурацию региона. Если

Израиль санкционировал формирование ПНА, то ее появление на карте Ближнего Востока было поддержано «умеренными» арабскими режимами. В списке стран, руководство которых было поставлено в известность о переговорах в Осло, были Саудовская Аравия, Египет, Марокко, Тунис и Иордания¹².

Согласие Израиля изменить статус обоих оккупированных палестинских регионов определялось, как и в случае признания ООП, совокупностью многих обстоятельств и причин. Речь шла, в частности, о фактическом провале предлагавшейся Кэмп–Дэвидским процессом формулы «самоуправления» для населения обоих палестинских регионов. Опора израильских властей на влиятельные кланы в качестве орудия взаимодействия между оккупирующей державой и местным обществом оказалась неэффективной. Первая интифада не только дезавуировала предпринимавшиеся в этой связи начинания, но и содействовала ориентации ее руководства на союз с ООП. Развитие интифады раскалывало израильский социум – сторонники мира с палестинцами превращались в серьезный фактор внутривнутриполитической жизни. Изменение же международной и региональной ситуации после кризиса вокруг Кувейта оказало давление на израильский политический истеблишмент, содействуя его движению к признанию ООП и удовлетворению ее претензий на обретение статуса властной структуры.

Санкционируя возникновение ПНА, Израиль все же не был заинтересован в отказе от уже достигнутого им в июне 1967 г. военнополитического превосходства. Оно позволило израильскому исследователю писать о возникновении «*Rex Israeliana* на Ближнем Востоке»¹³. С другой стороны, арабские соседи Израиля также не отказывались от желания изменить возникшую ситуацию, возвратиться к довоенному статус-кво и даже скорректировать его в свою пользу. В их случае идея новой конфигурации регионального пространства, более не исключавшей Израиль, была призвана содействовать максимальному сужению его роли гегемона на Ближнем Востоке. Это предполагалось достичь за счет трансформации положения ПНА, а также решения палестинского вопроса.

С точки зрения исторической ретроспективы движение в этом направлении проявило себя после июньской войны 1967 г., когда поражение «прогрессивных» Египта и Сирии создало объективную основу для превращения ориентированных на Запад «умеренных» государств (в их числе впоследствии оказался и постнасеровский Египет) в ведущий элемент межарабских отношений. Решения Хартумского саммита (сентябрь 1967 г.) Лиги арабских государств (ЛАГ) не исчерпывались «трем «нет»», ультимативно продемонстрированными Израилю¹⁴.

Напротив, отныне вопрос касался объединения «арабских усилий» ради «ликвидации последствий агрессии», осмысливавшихся как «возвращение оккупированных арабских территорий».

Наиболее существенным аспектом решений Хартумского саммита становилось определение того, какие территории его участники считали «арабскими». Поскольку это определение применялось к Западному берегу и сектору Газа, постольку речь более не шла о том, что до июня 1967 г. квалифицировалось как «узурпированная Палестина» – территория Израиля.

Не менее беспрецедентным итогом Хартумского саммита выступало и обращение его участников к политическим методам решения конфликта. «Возвращение» оккупированных территорий предполагало, что ЛАГ развивает сотрудничество с международным сообществом, понимаемым как весь представленный в ООН многообразный мир. Спустя два месяца после завершения работы саммита Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242, ставшую одной из основ ближневосточного урегулирования. Как и документы Хартумской встречи, эта резолюция требовала «вывода израильских вооруженных сил с территорий (понимавшихся в английском варианте резолюции как возвращение израильских войск к тем линиям перемирия, которые существовали до начала военных действий), оккупированных в ходе военных действий. Она подчеркивала необходимость «уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства региона»¹⁵. ЛАГ выразила свое полное согласие с этой резолюцией, как в дальнейшем и с резолюцией Совета Безопасности № 338, принятой по итогам войны 1973 г.

Движение «умеренных» режимов арабского мира к политическому урегулированию фиксировалось принятым в августе 1981 г. Фесским саммитом ЛАГ Мирным планом урегулирования ближневосточного конфликта, предложенным (в то время) наследником саудовского престола принцем Фахдом бен Абдель Азизом. Этот план уточнял положения документов Хартумского саммита: израильские войска должны были покинуть «все арабские территории», «включая арабскую часть Иерусалима», а созданные на этих территориях «поселения» должны были быть «демонтированы». Касаясь вопроса палестинских беженцев, план подтверждал их права, требуя выплатить «компенсацию» тем из них, кто «не желает возвращаться на свою родину», заявляя о необходимости «образования Палестинского Государства со столицей в Восточном Иерусалиме»¹⁶.

Фесский мирный план более не ставил вопрос о недопустимости «сепаратных» мирных переговоров между тем или иным государством ЛАГ и Израилем. Осуществленная в конце 1970–х гг. нормализация египетско-израильских отношений создавала прецедент их оправдания, а палестино-израильская Декларация о принципах открывала для этого реальные возможности. В 1994 г. был подписан израильско-иорданский мирный договор. В середине 1990–х гг. Израиль начал контакты с Тунисом и Марокко, как и с Мавританией, установившей с ним в 1999 г. полномасштабные дипломатические отношения. В 1996 г. в Катар

и Омане были открыты израильские торговые представительства.

В 2002 г. ЛАГ на саммите в Бейруте приняла представленную саудовским (в то время) наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом «арабскую мирную инициативу»:

– документ не содержал в себе каких-либо новых предложений, обращенных к израильской стороне, он лишь детализировал уже высказывавшиеся ЛАГ идеи о выводе войск «со всех оккупированных арабских территорий» и возвращении к линии перемирия, «существовавшей до 4 июня 1967 г.»;

– вопрос о «законности прав палестинского народа» больше не ставился, «арабская мирная инициатива» ограничивалась только лишь требованием «справедливого урегулирования проблемы палестинских беженцев»;

– ЛАГ призвала создать «независимое и суверенное палестинское государство», территория которого включила бы «Западный берег и сектор Газа» со столицей в «Восточном Иерусалиме»;

– согласие Израиля принять эти предложения обязало бы арабские страны «считать арабо-израильский конфликт закончившимся», что привело бы к «нормализации отношений» между обеими сторонами;

— излагая суть выдвинутой им «мирной инициативы», будущий саудовский монарх обращался к «правительству и народу Израиля», призывая принять «инициативу в интересах достижения мира и прекращения кровопролития», с тем чтобы «арабские государства и Израиль могли бы жить в мире рядом друг с другом»¹⁷.

Арабская сторона конфликта в большей мере, чем ее израильский партнер, оказывалась готова к движению в направлении мира. Но этот вывод далек от того, чтобы учитывать обстоятельства, связанные с внутренним контекстом принятия политического решения каждой из обеих сторон. Авторитарный характер режимов арабских стран, неразвитость их гражданских обществ, как и жесткие ограничения, касающиеся деятельности оппозиции (для которой «предательство» властью «палестинских прав» и требование противостоять Израилю – один из лозунгов действия), во многом ограничивало способность этих режимов выдвигать серьезные инициативы, связанные с политическим урегулированием конфликта.

Египетско-израильские и иорданско-израильские отношения выглядели как «холодные»: мирные договоры между этими странами не привели к существенным переменам во взглядах местных обществ, касающихся решения палестинского вопроса (как и, в целом, всего комплекса двусторонних отношений между этими странами). Приход к власти оппозиции в тех арабских странах, которые нормализовали отношения с Израилем, приводил к отказу от их дальнейшей поддержки (в этом плане показателен пример Мавритании, разорвавшей в 2009 г. дипломатические связи с еврейским государством). Обострение же внутрипалестинской ситуации, как и израильский ответ

на это обострение (в частности, операция «Литой свинец» в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 г.), были способны привести к замораживанию ранее развивавшихся контактов, что произошло в случае с Марокко, Тунисом, Катаром и Оманом. Рыхлость геополитического пространства арабского мира, в котором продолжают действовать апеллирующие к тем или иным формам «прогрессивного» панарабизма акторы (один из них – Сирия, «крепость арабизма»), поддерживающие палестинскую оппозицию, продолжает ограничивать усилия «умеренных» режимов в сфере урегулирования палестино-израильского конфликта и палестино-палестинского примирения.

Как и в арабских странах, израильская позиция в отношении опоры на силу для решения конфликта с арабскими странами после июня 1967 г. истощала себя. Оккупированные территории первоначально (а некоторые из них и в дальнейшем) рассматривались как потенциальный объект обмена на мир с соседями (что вносило новые нюансы в понимание проблем безопасности еврейского государства). Возможность достижения этого мира не рассматривалась израильским руководством как немедленная, полная и всеобъемлющая нормализация отношений, а как последовательное движение к прорыву «общеарабского» непризнания на основе «сепаратных» переговоров с отдельными арабскими государствами¹⁸. Неконсолидированность арабского сообщества и противоречивость интересов входящих в него стран содействовали успеху этой стратегии. Израильское вмешательство в 1982–1983 гг. в гражданскую войну в Ливане и вооруженное противостояние «Хизбаллы» и Израиля (июль–август 2006 г.) не могут рассматриваться как эпизоды арабо-израильского межгосударственного конфликта. В обоих случаях Израиль не противостоял ливанскому государству, а часть ливанской политической элиты поддерживала с ним отношения, считая израильское вмешательство гарантией сохранения национальной государственности¹⁹.

Важнее другое обстоятельство: оба этих события принципиальны потому, что благодаря конфликту рыхлое пространство арабского мира обрело *квазицентры*, в роли которых выступали негосударственные акторы – ООП эпохи ливанской гражданской войны или движение «Хизбалла». Израильская же оккупация палестинских территорий или их блокада, как и вооруженный конфликт между Израилем и обретшим власть в секторе Газа движением ХАМАС зимой 2008/09 г., расширяли список этих квазицентров, включая в него ХАМАС. Эти квазицентры стратифицировали арабское сообщество, выделяя в нем соответствующие их представлениям силы «прогресса» и «реакции», и вовлекали внерегionalных игроков в эволюцию ближневосточной ситуации. Появление этих квазицентров демонстрировало растущую роль фактора религии в обосновании продолжения противостояния Израилю.

Видимая неготовность Израиля принять арабские мирные инициативы в отношении па-

лестинских территорий – итог происходящих в этой стране внутренних процессов, определяемых сменой политических элит, а также самого характера принятия политического решения, требующего определенного уровня общенационального консенсуса по основным вопросам существования государства, среди которых проблема безопасности занимает ведущее место. Достижение этого консенсуса не кажется сегодня возможным.

Осуществляемое нынешним израильским руководством (блок Ликуд и его союзники, включая «русскоязычные» политические структуры) «воскрешение» базовых требований сионизма, и в первую очередь идеи «суверенных» прав «еврейского народа» на всю территорию *Эрец-Исраэль*, оформляемой поселенческим процессом на Западном берегу, подрывает сами основы существования ПНА. Впервые прозвучавшие еще в 2003 г. и сохраняющие свое значение и сегодня призывы одного из участников нынешней израильской правительственной коалиции Авигдора Либермана (министра иностранных дел в правительстве Биньямина Нетаньяху): «дезаурировать признание» ПНА, «принять меры для ее демонтажа» и развивать поселенческое движение²⁰ – лишают палестино-израильский мирный процесс перспективы.

ПНА как квазицентр силы в региональной подсистеме международных отношений. Палестинское квазигосударство (и палестинский фактор) играет вместе с тем существенную роль в контексте ближневосточной политики. Это обстоятельство связано в первую очередь со степенью его воздействия (включая и ситуацию в ПНА) как на состояние региональной безопасности в целом, так и на арабских акторов – участников ближневосточного конфликта. Палестинский фактор на протяжении многих лет выступал как инструмент торможения или исключения возможности установления взаимоприемлемых партнерских отношений между составляющими этот мир странами и Израилем. ПНА, далекая от того, чтобы обладать сколько-либо серьезными параметрами «центра силы», стала тем не менее квазицентросиловым образованием, негативно трансформирующим усилия, направленные на стабилизацию региональной обстановки.

Внутрипалестинский разлом как итог осуществленного ХАМАС в июне 2007 г. переворота в секторе Газа, приведшего к фактическому расколу ПНА и созданию уже двух палестинских квазигосударств, возглавляемых этим движением и его антагонистом – движением ФАТХ соответственно в секторе Газа и на Западном берегу, превращает это квазицентросиловое образование в «черную дыру», делающую региональную стабилизацию иллюзией. Впрочем, и с точки зрения исторической ретроспективы палестинский фактор, объединяя арабский мир на основе отрицания права Израиля на существование, вносил в этот мир элементы глубоких внутренних противоречий.

Движение к миру на палестино-израильском направлении не стало определяющей тенденцией не только потому, что ФАТХ не смог стать

силой, цементирующей ПНА, но и из-за общей неспособности современной палестинской элиты добиться единства и выработать осознанную программу совместных действий. В этом контексте действия Израиля направлены не столько на восстановление позиций, полученных еврейским государством после подписания соглашений в Осло и позволявших ему односторонне легитимировать политически и территориально ущербную ПНА, сколько на то, чтобы (максимально используя внутripалестинскую ситуацию) снять с повестки дня идею палестинской государственности. Официальный же арабский ответ на действия Израиля как в варианте принятой ЛАГ инициативы нынешнего саудовского монарха, так и самостоятельных шагов членов этой организации – это провозглашаемая (с той или иной степенью интенсивности) защита проекта становления палестинской государственности в границах времени до июня 1967 г.

Квазицентровое воздействие палестинского фактора на региональное пространство расширяло и число претендентов на статус новых центров силы Ближнего Востока. Этими претендентами становились не только апеллирующие к религии политические движения, но и поддерживающие эти движения внерегиональные силы (в их списке Иран). Провозглашая свою поддержку «палестинской борьбы», они заявляют о реализации ими «законного права на сопротивление» Израилю, подрывая сложившуюся систему национальной государственности. Пример «Хизбаллы» здесь более чем показателен. Апеллируя к неурегулированности палестинской ситуации, они расшатывают систему региональной безопасности, создавая новые очаги конфликтности на всем протяжении ближневосточного пространства.

Существовала ли в эпоху до 2011 г. возможность решения палестинской проблемы, включая и изменение статуса ПНА? Ответ на этот вопрос требовал серьезной коррекции сложившейся к тому времени точки зрения на эту проблему. Суть этой коррекции заключалась в том, что становление и эволюция палестинского фактора не определялись лишь действиями Израиля. В его нынешнем состоянии этот фактор – итог совокупных действий многих ближневосточных (палестинских и арабских) и международных акторов, включая и группы политического действия, и государства. Широкий спектр тех, кто создавал палестинскую проблему, как и содействовал обретению ею ее нынешней остроты, едва ли позволял достичь консенсуса, направленного на ее решение.

Палестинская проблема в контексте «арабских революций»: новая дифференциация позиций. Еще далекие от своего завершения революционные события 2010–2011 гг. в арабском мире (затронувшие, хотя с разной степенью интенсивности, все это геополитическое пространство) меняют соотношение сил в сфере межарабских и ближневосточных отношений. Выдвигая вперед новые группы политической элиты (в рядах которой существенную роль играют апеллирующие

к религиозной догме политические структуры), «арабская весна» способна поставить под вопрос правомочность ранее заключенных международно-правовых актов, определявших устремленность участников ближневосточного конфликта к миру.

Как видят новую ситуацию палестинские интеллектуалы?

– «Арабская демократическая революция» несет в себе «призрак Палестины», – подчеркивает один из них, поскольку «решающей битвой арабов за свободу станет сражение за Палестину»²¹;

– его единомышленник отмечает, что это «сражение уже начинается», так как «миллионы беженцев имеют безусловное право на возвращение к родным очагам»²²;

– соотечественник обоих авторов считает, что успех «сражения» возможен только при условии, что место «палестинских политических сил [ФАТХ и ХАМАС], близких к коррумпированным и депотическим режимам», займет «революционная молодежь», «молодежь лагерей диаспоры, связанная с арабской демократической революцией» и выдвигающая лозунг «народ требует свергнуть нынешних политиков»²³.

Палестинская «диаспора» вновь видит себя в центре противостояния Израилю и претендует на то, чтобы занять место *муватинун*. Тому есть весомые основания: если ХАМАС считал себя выразителем интересов жителей «национальной территории» и обвинял ФАТХ в том, что он был «импортирован извне», то с момента создания ПНА ФАТХ активно работал над укреплением союза с ведущими кланами Западного берега и сектора Газа.

События «арабской весны» ослабляют центросиловые возможности Сирии, вынуждая ХАМАС принять египетскую инициативу (поддерживавшуюся Саудовской Аравией и другими странами Залива), предполагавшую возобновление палестино-палестинского диалога о «национальном примирении», потенциально способное восстановить единство ПНА, если обе ведущие палестинские группы окажутся готовы к достижению консенсуса. Это «примирение» могло бы стать предпосылкой преобразования ПНА в государство – для ведущих держав арабского мира сохранение внутренней стабильности и сужение сферы влияния Израиля на ближневосточной арене требует нейтрализации квазицентральной роли палестинского фактора.

Объявляя о своем решении принять участие в работе LXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, М. Аббас подчеркивал: «Мы отправляемся в Нью-Йорк, чтобы получить полноправное членство Государства Палестина в Организации Объединенных Наций ... с тем, чтобы ... стать свободными и независимыми в собственном государстве, существующем в границах 4 июня 1967 г. и со столицей в Восточном Иерусалиме»²⁴. Даже если глава ПНА и ставит вопрос о признании ООН палестинской независимости в качестве первоочередной задачи руководства Администрации, перенося повестку

дня палестино–израильских переговоров на время «после независимости», он едва ли меняет видение национального будущего, предлагавшееся палестинской стороной после начала реализации положений Декларации о принципах.

В своих выступлениях, в частности в ходе работы Генеральной Ассамблеи, М. Аббас подчеркивает «легитимность Государства Израиль», но отказывается считать законной «израильскую политику оккупации». Он делает акцент на готовности ПНА обрести новый статус, подчеркивая зрелость ее «институтов и инфраструктуры», что означает сохранение прежней опоры на *муватун*. Касаясь «беженцев», он вовсе не ставит вопрос об их возвращении. Будущее государство должно стать выразителем интересов и защитником «диаспоры», что неизбежно предполагает снижение роли ООП в ее качестве «единственного законного представителя арабского народа Палестины». По словам М. Аббаса, «она будет сохранять свою роль вплоть до достижения полной и окончательной независимости, вплоть до решения всех вопросов окончательного урегулирования, принимая участие и в решении «всего, что ждет нас в будущем».

Израильская реакция на обращение руководства ПНА в ООН является негативной, оправдываемой, как об этом говорил Б. Нетаньяху на LXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ростом «исламского радикализма», поддерживаемого Ираном и воплощаемого его «прислужником» ХАМАС²⁵. Соображения безопасности исключают, как подчеркивал израильский премьер-министр, вывод оккупационных войск со всей территории «Иудеи и Самарии», поскольку для своей защиты Израиль нуждается в «большей стратегической глубине» и в «сохранении военного присутствия в стратегических районах» на территории ПНА. Появление «палестинского государства на Западном берегу», отмечал он, оставляя за его пределами сектор Газа и противопоставляя Администрацию и режим ХАМАС, не должно привести к появлению там «новой Газы». В силу этого обстоятельства появление палестинского государства возможно лишь в одном случае – «палестинцы должны сначала заключить мир с Израилем». Этот «мир» предполагает сохранение израильских вооруженных сил на его заранее сужаемой территории. Глава внешнеполитического ведомства Израиля А. Либерман еще более откровенен: «Любой [палестинский] односторонний шаг повлечет за собой контрмеры с израильской стороны»²⁶.

Инициатива М. Аббаса, провозглашенная «палестинской весной», вновь дифференцирует акторов ближневосточного политического процесса. Для этого вывода существует немало подтверждающих его оснований. Поддержка его начинания (предполагавшая реализацию египетской инициативы в связи с палестино–палестинским «национальным примирением») заставляет ведущие государства арабского мира (Саудовскую Аравию в первую очередь) ставить вопрос о необходимости, как подчеркивал, выступая в ходе

работы LXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал, «положить конец израильской политике торпедирования мирного процесса», о «признании Государства Палестина в границах 4 июня 1967 г. и столицей в Восточном Иерусалиме»²⁷. По мнению главы саудовского внешнеполитического ведомства, в этом состояла суть «арабской мирной инициативы», неразрывно связанной с резолюциями Совета Безопасности № 242 и № 338, как и с принципом «земля в обмен на мир».

Противоположный лагерь включает прежде всего политического противника Администрации. Для ХАМАС, как заявил глава правительства этого движения в Газе Исмаил Ханийя, создание палестинского государства возможно только при условии хотя бы «частичного освобождения палестинской территории», «без признания Израиля» и «отказа от уступок в отношении исторической Палестины»²⁸. Иранская моральная поддержка ХАМАС (по мнению аятоллы Али Хаменеи, «естественное право палестинцев быть членами Объединенных Наций» в случае действий М. Аббаса несет в себе «план двух государств, оправдывающий сионистские притязания и признание сионистского режима на палестинской земле»²⁹) оказывается недостаточной. Стремясь обрести преимущества в конкуренции с ФАТХ, его ведущий палестинский противник, развивая собственные контакты с Израилем, осуществил сделку, позволившую обменять плененного им капрала Гилада Шалита на палестинских заключенных израильских тюрем.

Новая дифференциация на поле ближневосточного политического процесса не выглядит тем не менее как проявление полного взаимного отчуждения. В конечном итоге «арабская весна» объединила Израиль и ведущих игроков арабского геополитического пространства (что в равной мере относилось и к Ирану) в стремлении сохранить ранее существовавший статус-кво. Если в этой ситуации и произошли какие-либо изменения, то они были детализацией позиции арабской стороны. Поставленный в выступлениях С. Аль-Фейсала вопрос о снятии блокады сектора Газа (и тем самым о включении ХАМАС в процесс политического урегулирования) означает, что фактор палестинского квазигосударства остается ведущим в конкурентной борьбе за будущее ближневосточного региона.

Kosach G. G. *The Palestinian quasi-state and Middle East politics.*

Summary: The article of G. Kosach “The Palestinian quasi-state and Middle East politics” analyzes role and position of Palestinian National Authority (PNA) in the regional subsystem of international relations. The author describes the historical background of PNA formation and positions of regional actors (Arabic countries and Israel as well) concerning the possibilities of transforming this quasi-state into efficient state entity. The process of differentiation of these positions in the context of current “Arabic revolutions” is emphasized.

Ключевые слова

Ближний Восток, Палестина, Палестинская Национальная Администрация, палестинское квазигосударство, «арабские революции».

Keywords

Middle East, Palestine, Palestinian National Authority, Palestinian quasi-state, «Arabic revolutions».

Примечания

1. Точка зрения ООП, как и ее интерпретации происходившего в норвежской столице процесса контактов с израильской стороной, содержится в работе нынешнего главы Палестинской Национальной Администрации М. Аббаса. Абу Мазен (Аббас Махмуд). Путь в Осло. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.
2. Здесь и далее текст Декларации о принципах: Иъялян мабади хауль тартибат хукума затийя интикалийя (Декларация о принципах создания автономного переходного правительства). – Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Кудс (Иерусалим), Аль-Мультака аль-фикрий аль-арабий, 1999. С. 25–26.
3. Здесь и далее «Рамки мира на Ближнем Востоке, согласованные в Кэмп-Дэвиде 17 сентября 1978 г.». – Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо–израильского конфликта, Нижний Новгород, Издательство Нижегородского университета, 1991. С. 113–116.
4. Абу Мазен (Махмуд Аббас), цит. произв. С. 282.
5. Здесь и далее: Там же. С. 284–290.
6. Определение Западного берега и сектора Газа в их качестве территории будущего палестинского государства содержалось в Декларации независимости Государства Палестина. – Иъялян истикляль ли Дауля Фалястын. – Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. С. 13–14.
7. Абу Мазен (Махмуд Аббас), цит. произв. С. 285.
8. Один из основных конституционных актов Государства Израиль, принятый в 1950 г. и дававший любому еврею «право на возвращение» в «еврейское государство»: The Law of Return. – Laqueur W. (Ed.). The Israel–Arab Reader. A Documentary History of the Middle East Conflict. N.Y., Toronto, L., Bantam Books, 1969. P. 128.
9. Абу Мазен (Махмуд Аббас), цит. произв. С. 289.
10. Там же. С. 290.
11. Там же. С. 288.
12. Там же. С. 237–241.
13. Kimmerling B. Clash of Identities. Explorations in Israeli and Palestinian Societies. N.Y., Columbia University Press, 2008. P. 173.
14. Текст опубликованных резолюций и рекомендаций, принятых всеарабской конференцией на высшем уровне. Хартум, 1 сентября 1967 г. – Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А., цит. произв. С. 86–87.
15. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242, 22 ноября 1967 г. – Там же. С. 88–89.
16. Мирный план короля Саудовской Аравии Фахда, 6 августа 1981 г. – Там же. С. 124–125.
17. Мубадара ас–салям аль–арабийя (Арабская мирная инициатива). Бейрут, 2002. – http://www.arableagueonline.org/las/arabic/details_ar.jsp?art_id=1777&level_id=202.
18. Представляя в кнессете израильско–египетское соглашение 1975 г. по Синайскому полуострову, глава правительства Ицхак Рабин говорил: «Главная цель, которую мы поставили перед собой, состоит в том, чтобы действовать в направлении достижения мира с каждым из соседних государств». – Ицхак Рабин, премьер–министр Израиля. О соглашении между Египтом и Израилем. Выступление в кнессете, 3 сентября 1975 г. – Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А., цит. произв. С. 108–109.
19. Как отмечал Фуад Бутрус, ливанский министр иностранных дел времени начала 1980–х гг., основные конфессиональные группы ливанской политической элиты (маронитская и суннитская) ставили вопрос о выводе из Ливана вооруженных отрядов ООП и ее руководства, поддерживая действия Израиля. – Бутрус Ф. Аль–Музаккарат (Мемуары). Бейрут, Дар Ан–Нахар, 2009. С. 522–528.
20. См. об этом: Программа блока «Национальное единство». – Эпштейн А. (Отв. ред.). Программы урегулирования палестино–израильского конфликта. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 177–178.
21. Даана С. Бейт Аль–Макдас аввалян ва ахиран (Иерусалим как первоочередная задача). 14 июня 2011. – <http://www.25yanayer.net/?p=10342>.
22. Ас–Сахли Н. Риях ас–саурат аль–арабийя ва ад–дауля аль–фалястынийя (Ветер арабских революций и палестинское государство). 19 июня 2011. – <http://www.arabs.com/threads/3956>.
23. Бадран А. Модель ам бадиль димократый (Модель или демократическая альтернатива)? 29 июня 2011. – <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/5E81A342–D964–44AE–B76F–1AE53E81CE43.htm>.
24. Здесь и далее: Ар–Раис: захибун иля Маджлис аль–амн (Глава ПНА: мы отправляемся в Совет Безопасности). 16 сентября 2011. – <http://www.wafa.ps/arabic/index.php?action=detail&id=113100>
25. Здесь и далее: Выступление Биньямина Нетаньяху на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 сентября 2011. – http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/PressReleases/2011/PM_Netanyahu_speech_UN_23–9–11.htm.
26. Интервью главы МИД Израиля армейскому радио «Галей ЦАХАЛ». 25 сентября 2011. – http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/Minister/FM_Liberman_interview_GALATZ–25–9–11.htm.
27. Здесь и далее: Суму вазир аль–хариджийя юльки калима Аль–Мамляка фи иджтимаъат ад–даура ас–садиса ва ас–ситтин ли Аль–Джамбийя Аль–Амма ли Аль–Умам Аль–Муттахида (Его высочество министр иностранных дел излагает позицию Королевства на шестьдесят шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). – <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/ImportantIssues/Pages/ArticleID2011105131345794.aspx>.
28. ХАМАС туакид рафдаха ат–таваджух ли Аль–Умам Аль–Муттахида (ХАМАС подтверждает свой отказ поддержать обращение в ООН). – Аль–Айям, 19 сентября 2011. – <http://www.al-ayyam.com/article.aspx?did=175045&date=9/19/2011>.
29. Иран туарид удвийя Фалястын ва масаъи аурубийя тастадым би таъаннут Нетаньяху (Иран против членства Палестины, а европейские усилия сталкиваются с упорством Нетаньяху). – Аль–Хайят, 2 октября 2011. – <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/313737>.